

плане. Повседневность благотворительности в образовании в губернии с этого момента стала динамично дополняться растущей в объемах активностью общественного элемента.

Создание и содержание новых школ: народных училищ и воскресных школ бесплатных библиотек; устройство бесплатных народных чтений; наем учителей; снабжение учащихся бесплатными учебниками за счет сбора членских взносов, привлечения пожертвований, в т. числе через завещания, получение (с 1913 г.) пособия от Ставропольского губернского земства – не только в практике работы этой крупной общественной благотворительной организации, работавшей в образовании и просвещении почти 40 лет. По примеру этого Общества в губернии возникали и достаточно успешно действовали многочисленные образовательно-просветительские благотворительные объединения.

С 1880-х гг. на Ставрополье, как и по всей стране, создаются и набирают силу организации, сосредоточившиеся в свое попечительской деятельности на оказании помощи в работе отдельным учебным заведениям и их учащимся. Материальная поддержка школ, обеспечение нуждающихся учащихся бесплатными учебниками, одеждой и обувью, лекарствами в городах и селах губернии существенным образом влияли на рост количества образованных людей в губернии. Более того, начало XX в. отмечено ростом активности неравнодушной общественности в сфере оказания помощи «недостаточным ставропольцам», учившимся в высших учебных заведениях.

Этапным в истории повседневности благотворительной практики в сфере образования, просвещения и, особенно, воспитания, стали создание и деятельность Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей [3, с. 1]. Ведомое лучшими представителями ставропольской интеллигенции, Общество стремилось воспитывать подрастающее поколение из числа социально недостаточных слоев населения, опираясь на новейшие образовательные и воспитательные методики и привлекая к этому процессу как можно больше средств. Черпая последние из традиционных источников, руководители Общества, в то же время, стремились превращать любые мероприятия, проводимые с целью благотворительных сборов, в события из разряда также просветительно-образовательных.

Картину повседневности попечения в сфере образования и просвещения на Ставрополье своей деятельностью значительно дополняли православные братства, создававшиеся на территории губернии с целью содействия успехам христианства в Кавказской епархии, в т. числе через миссионерство и религиозно-нравственное просвещение православного населения региона [4, с. 3].

Организация школ и опека над ними, осуществлявшаяся на средства этих религиозных общественных организаций (особенно в местах проживания степняков); оказание помощи ученикам из наиболее бедных семей; организация и содержание книжного склада; создание Народной читальни и бесплатных школьных библиотек во многом дополняли усилия государства по приобщению нового региона к общероссийской социокультурной среде. Тем более, что активные представители национальных меньшинств и неправославных конфессий так же, со своей стороны, предпринимали заметные усилия по помощи своим менее успешным собратьям в приобщении к образованию, прежде всего, по своим культурным каналам.

Своеобразным фундаментом для совершенствования просветительской и образовательно-воспитательной практик на Ставрополье в условиях его модернизации стала работа создаваемых музеев и библиотек, большинство фондов которых формировалось на средства благотворителей. При этом власть не изменяла традиции отмечать усердие и щедрость последних наградами и присвоением им звания почетных горожан.

Список литературы

1. Кемпинский Э. В. Высочайший ревизор в Ставрополье. Ставрополь, 2000.
2. Бентковский И. В. Ставрополь в географическом, историческом, топографическом и статистическом отношениях // Ставрополь в описаниях, очерках, исследованиях за 230 лет.
3. Устав Ставропольского на Кавказе общества содействия воспитанию и защиты детей. Ставрополь, 1914.
4. Устав Ставропольского св. Андрея Первозванного братства. Ставрополь, 1888.

References

1. Kempinskiy E. V. *Vysochayshiy revizor v Stavropole*. Stavropol, 2000.
2. Bentkovskiy I. V. *Stavropol v geograficheskom, istoricheskom, topograficheskom i statisticheskom otnosheniyakh. Stavropol v opisaniyakh, ocherkakh, issledovaniyakh za 230 let*.
3. *Ustav Stavropolskogo na Kavkaze obshchestva soдействия воспитанию i zashchity detey. Stavropol, 1914*.
4. *Ustav Stavropolskogo sv. Andrey a Pervozvannogo bratstva*. Stavropol, 1888.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ СНИЖЕНИЯ УРОВНЯ АГРАРНО-ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА И РЕАЛИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ ПРОГРАММ В 1970 – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ 1980-Х ГОДОВ

Куликова Елена Александровна, старший преподаватель, Институт сервиса, туризма и дизайна – филиал Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, Российская Федерация, 357500, г. Пятигорск, ул. 40 лет Октября, 56, E-mail: elena-mosienko@yandex.ru

Лаврова Татьяна Николаевна, начальник отдела, Институт сервиса, туризма и дизайна – филиал Северо-Кавказского федерального университета в г. Пятигорске, Российская Федерация, 357500, г. Пятигорск, ул. 40 лет Октября, 56

В течение десятой и в начале одиннадцатой пятилеток в промышленности Ставрополья был отмечен некоторый рост себестоимости продукции, который происходил на фоне снижения производительности труда и увеличения временных затрат на производство условной единицы промышленного продукта.

Кризисные тенденции в краевом аграрном секторе, стали проявляться еще во второй половине 1970-х годов, когда дисбаланс между общими вложениями и совокупными доходами составил порядка 32 % за счет укрепления трудовой дисциплины, состояние которой вызывало серьезные опасения.

Ключевые слова: аграрное производство, социальная сфера, социальные программы, сельское хозяйство, агропромышленный комплекс Ставропольского края.

ECONOMIC FACTORS TO REDUCE AGRICULTURAL PRODUCTION AND SOCIAL PROGRAMS IN 1970 – FIRST HALF OF 1980s

Kulikova Elena A., Senior Lecturer, Institute of Service, Tourism and Design – a branch of the North Caucasus Federal University in Pyatigorsk, 56 40 let Ocyabrya, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation, E-mail: elena-mosienko@yandex.ru

Lavrova Tatyana N., Head of Department, Institute of Service, Tourism and Design – a branch of the North Caucasus Federal University in Pyatigorsk, 56 40 let Ocyabrya, Pyatigorsk, 357500, Russian Federation

During the tenth and the eleventh five-year plan at the beginning of the Stavropol Territory in the industry there was a slight increase in the cost of production, which took place against a background of reduced productivity and increase the time spent on production of a conventional unit of the industrial product. Crisis trends in the regional agricultural sector began to show in the second half of the 1970s, when an imbalance between total investments and total revenues amounted to about 32 %. For by strengthening labor discipline, the state of which raises serious concerns.

Keywords: agricultural production, social services, social programs, agriculture, agro-industrial complex of Stavropol Territory

Экономическое развитие государства и регионов никогда не являлось самоцелью внутренней политики, от его интенсивности и состояния во многом зависит, прежде всего, эволюция социально-политической сферы. Что касается соотношения между основными составляющими этой сферы, то на разных этапах государственного строительства оно изменялось в зависимости от приоритетов политического курса, а также от воздействия разнообразных внутренних и внешних факторов.

В сложившихся условиях политическое руководство предприняло попытку оздоровления производственного климата за счет укрепления трудовой дисциплины, состояние которой вызывало серьезные опасения. Вместо того чтобы повысить уровень мотивации активного участия трудовых коллективов в производственном процессе, все усилия партийного и отраслевого руководства были направлены на пресечение нарушений административными мерами. Такой подход вряд ли мог обеспечить повышение производительности труда и динамичное экономическое развитие краевого агропромышленного комплекса. В сельском хозяйстве некоторые сдвиги в лучшую сторону наметились в результате внедрения метода почтовой организации производства, в результате чего производительность одной единицы техники увеличилась примерно на 200 гектаров, значительно сократились сроки проведения полевых работ.

Экономический эффект только в аграрной отрасли оценивался более чем в 22 млн руб., однако этого было явно недостаточно для преодоления все усиливавшихся негативных тенденций. Успешное проведение отдельных компаний вовсе не способствовало повышению фондоотдачи, т.е. оправданию вложенных финансовых и материально-технических средств. Реальное положение в экономике края в начале одиннадцатой пятилетки указывало на то, что уровень эффективности капиталовложений в сельском хозяйстве, по сравнению с аналогичным показателем начала 1970-х гг., снизился втрое. В промышленности в течение десяти лет фактически не производилась замена устаревшего оборудования, вместо этого предприятия тратили деньги на его ремонт и восстановление, кроме того, частично использовали резервные фонды средств производства, которые, однако, формировались за счет поставок оборудования 10–15-летней давности и в этой связи отнюдь не способствовали совершенствованию технологического процесса. Исключение составляли отдельные отраслевые промышленные предприятия, руководству которых удалось при дефиците средств провести переоборудование производства, установить современные для того времени поточные линии. Но доля таких предприятий в общем производственном потенциале была небольшой, к тому же только половина установленного оборудования работала на полную мощность. Многие производственные мощности простаивали из-за нехватки сырья и отсутствия заказов [1].

В течение десятой и в начале одиннадцатой пятилеток в промышленности Ставрополья был отмечен некоторый рост себестоимости продукции, который происходил на фоне снижения производительности труда и увеличения временных затрат на производство условной единицы промышленного продукта. Естественно, это повлекло за собой падение общего объема производства, в результате чего различные потребители не получили продукции почти на 340 млн руб.

Кризисные тенденции в краевом аграрном секторе, стали проявляться еще во второй половине 1970-х гг., когда дисбаланс между общими вложениями и совокупными доходами составил порядка 32 %. Правда, такую цифру очень сложно соотнести с пониманием сути кризисных тенденций, она, скорее всего, свидетельствовала об устойчивой и динамичной стагнации аграрного производства. Простейшие расчеты показывают, что на каждый рубль, полученный от стоимости валового сельскохозяйственного продукта, было затрачено 1 руб. 25 коп. капиталовложений. Как следствие, в начале 1980-х гг. уровень рентабельности аграрного производства в хозяйствах Ставропольского края понизился практически вдвое.

Положение усугублялось разобщенностью производительных средств, что значительно затрудняло организацию производственного процесса. Так, например, в Карачаево-Черкесии 18 из 42 совхозов в начале одиннадцатой пятилетки не подчинялись областному управлению сельского хозяйства, а относились к различным краевым, республиканским и всесоюзным ведомствам. Кроме того, опыт аграрного производ-

ства в области показывал, что значительную часть продукции давали хозяйства, расположенные на равнинных и предгорных территориях автономии, тем не менее местные органы власти продолжали вкладывать средства в развитие нагорных хозяйств, хотя отдача от их деятельности была минимальной, а производственный процесс трудоемким.

Если посмотреть на валовые показатели производства в животноводстве КЧАО, то по состоянию на начало 1980-х гг. они были значительно выше, чем в предыдущем пятилетии практически по всем группам (мясо, молоко, шерсть). Однако и здесь главную роль сыграл не фактор повышения интенсивности производства, а простое увеличение поголовья общественного стада примерно на 42 тыс. голов по сравнению с десятой пятилеткой. Иными словами, преодолеть или отказаться от экстенсивных форм производства не удалось. Но, поскольку от животноводов требовалось выполнение плановых показателей, они нашли достаточно действенный механизм их повышения. Общественные отары овец и стада крупного рогатого скота пополнялись животными, находившимися в личной собственности животноводов и их родственников. Таким образом, с одной стороны, за счет государственных хозяйств обеспечивалось содержание личных поголовий, с другой стороны, излишки животных учитывались в официальных отчетах. В этих же целях в нагорной части области практиковались перегоны скота из одного хозяйства в другое на время ревизионных и инспекторских проверок [2].

В то же время специально для условий Карачаево-Черкесии Ставропольский ВНИИОК занимался выведением полутонкорунной породы овец, в результате чего на горных пастбищах области в конце десятой пятилетки появились стада горного корридела. В нескольких хозяйствах Зеленчукского района были созданы специализированные фермы. В начале 1980-х гг. в целях дальнейшего совершенствования породы на них производилось скрещивание местных и австралийских животных.

К середине десятилетия в животноводческих хозяйствах автономной области насчитывалось свыше 400 тыс. голов овец новой породы, третья часть которых была племенной. Ее уникальность состояла в том, что овцы одновременно давали и мясо, и шерсть. Правда, процесс адаптации новой породы протекал непросто, да и сам факт ее преимуществ перед традиционными местными породами овец довольно быстро подвергся сомнению со стороны специалистов, которые в свое время оказались в стороне от принятия решения по поводу замены хорошо приспособленной к горным условиям местной породы на зарубежные аналоги. Дело в том, что данное решение принималось на уровне Министерства сельского хозяйства по согласованию с партийными органами, тогда как местные животноводы были поставлены перед фактом необходимости разведения новой породы. Такая управленческая практика объяснялась тем, что в то время Ставрополье, по словам руководства ВНИИОК, рассматривалось как экспериментальная база российского овцеводства [1].

Сущность возмущения местных специалистов заключалась в том, что они не были противниками новой породы, но наряду с ней пытались сохранить и дальше совершенствовать разведение традиционных горных пород скота, благодаря которым, собственно говоря, появилась возможность проведения селекционных экспериментов с зарубежными партнерами. Кроме того, в животноводстве Карачаево-Черкесии начала 1980-х гг., как и на всем Ставрополье, имелись не менее актуальные проблемы, связанные с созданием кормовой базы для скота в зимних условиях. Эта проблема, в свою очередь, являлась следствием нерационального распределения посевных площадей между зерновыми и кормовыми культурами. По большому счету, речь идет о слабых межотраслевых интеграционных связях внутри краевого аграрного сектора, которые не позволяли проводить сбалансированную политику в сельском хозяйстве Ставрополья.

На состоянии кормовой базы животноводства Карачаево-Черкесии пагубно сказалось и приоритетное внимание развитию этой отрасли в предыдущие периоды. Речь идет о том, что в 8, 9 и 10 пятилетках акцент делался на укрепление и совершенствование животноводства в ущерб развитию земледелия даже в тех районах области, в которых для этого имелись необходимые условия. Как следствие, к началу одиннадцатой пятилетки средняя обеспеченность животноводческих хозяйств кормами в области находилась на уровне 70 % от потребности, возрастая и понижаясь в зависимости от рельефа местности в том, или ином районе. Самостоятельно заниматься созданием кормовой базы животноводческие хозяйства не могли в силу слабой обеспеченности техническими средствами обработки земли. Оставалось только воспользоваться испытанным способом заготовки кормов вручную, что, собственно, и делалось с привлечением дополнительной рабочей силы. Эти примеры отчетливо показывают те недостатки, которые имелись в реализации программ по созданию на Ставрополье специализированных животноводческих комплексов. В конце концов, выход был найден в организации заготовок и поставок кормов из сельскохозяйственных районов в животноводческие хозяйства, поскольку их доля в производстве краевого валового продукта была впечатляющей, однако, это было связано с дополнительными транспортными и другими накладными расходами, что отнюдь не способствовало снижению себестоимости продукции животноводства [1].

В начале 1980-х гг. сложно обстояли дела и в сфере земледелия, прежде всего, в полеводстве и зерноводстве. За годы десятой пятилетки посевные площади в КЧАО сократились практически на 20 %, а для некоторых культур в среднем по районам сокращение составило от 30 до 40 %, уменьшились и площади, предназначенные для выращивания овощей. Соответственно начали снижаться и валовые показатели сборов.

При этом хотелось бы отметить, что в условиях Карачаево-Черкесии, основные проблемы в сфере аграрного производства наблюдались в совхозах, тогда как в колхозах ситуация была более благоприятной, например, со сбором озимых посевов.

Важной составляющей новых реформ могла стать и своевременная корректировка структуры производства в отдельных хозяйствах. Так, например, применительно к Ставропольскому краю и КЧАО, в частности, в некоторых совхозах и колхозах регулярно не выполнялись планы заготовок по отдельным сортам растениеводческих культур и видам животных. В других хозяйствах, напротив, нерентабельными оказывались совершенно другие направления деятельности. Эти издержки можно было легко устранить в процессе планирования и распределения посевных площадей между аграрными культурами. От этого зависе-

ло и состояние животноводства, продуктивность которого к середине 1980-х гг. по всем группам конечных товаров понизилась в несколько раз [1].

Вопрос оплаты труда напрямую связан с социальным самочувствием сельских жителей. При этом выбор формы оплаты имел порой определяющее значение, поскольку в рассматриваемый период деньги утратили свою привлекательность из-за расширения границ товарного и продуктового дефицита. В результате деньги, как эквивалент вложенного труда, утратили функцию обеспечения потребностей населения. Намного эффективней в то время выглядел натуральный обмен, поэтому решение о компенсации физических затрат работника продовольствием было вполне оправданным и правомерным. Деньги, как уже отмечалось, служили своеобразной мерой актуализации величины вознаграждения за труд. В поздний советский период даже на макроэкономическом уровне они не использовались для перераспределения капитальных ресурсов между отраслями экономики, но позволяли проследить динамику роста благосостояния населения, в том числе в аграрном секторе. Например, в Карачаево-Черкесии темпы роста заработной платы колхозников, несмотря на спад аграрного производства, выросли по сравнению с другими сферами занятости на 20–25 % [2]. Конечно, это повышение было непосредственно связано с государственными дотациями, что применительно к сельскому хозяйству следует признать вполне обоснованным и соответствующим мировой практике.

В ракурсе рассматриваемой темы интерес представляют данные о соотношении доли вклада одного работника в валовой аграрный продукт области и темпов роста средней заработной платы на предприятиях агропромышленного комплекса. Соответствующие данные по отдельным хозяйствам показывают, что вклад одного работника в среднем составлял от 3,0 до 5,5 тыс. руб., но эта разница не учитывалась при определении среднего заработка в отрасли. Все ее работники, независимо от того, в каком хозяйстве они работали – слабым или сильным, оплачивались по единой тарифной сетке в соответствии со своей специализацией.

Иными словами, речь идет о пресловутом уравнительном распределении, которое сводило на нет все усилия, направленные на повышение заинтересованности в результатах труда. Это дало возможность правительственным инстанциям сделать заключение о социально-экономической диспропорции, прежде всего, в горных районах автономной области, что является свидетельством вступления этих районов в депрессивное состояние. Сделанный вывод подтверждается данными о повышении уровня подвижности местного населения, часть которого начала активно перемещаться на равнинные территории, и возобновлении кустарно-промысловой деятельности среди горских жителей. Данное обстоятельство в то время не осталось незамеченным, оно стало предметом обсуждения сложившегося положения в местных партийных органах, которые выразили обеспокоенность расслоением областного общества и появлением прослойки частных предпринимателей. Вместо поддержки со стороны властей, последние вынуждены были осуществлять свою деятельность нелегально, апробируя различные варианты проведения теневых операций в сфере переработки животноводческого сырья.

Приведенные данные дают основания говорить о том, что ошибки, допущенные в организации и руководстве сельским хозяйством Карачаево-Черкесии в десятой и одиннадцатой пятилетках, породили инициативу со стороны местных жителей, занятых в сфере животноводства, в вопросах создания неконтролируемого государством кооперативного движения индивидуальных производителей кожаных и меховых изделий. Это было серьезным предупреждением властям, но и оно не получило должной оценки ни на центральном, ни на региональном уровнях, прежде всего, с точки зрения соотношения с социально-экономическими реалиями того времени, которые не вселяли оптимизма в общественное сознание.

Осенью 1980 года состоялось совместное заседание правительства и ЦК партии, на котором решались вопросы планирования и экономического стимулирования аграрного производства, но основной акцент делался на выполнение планов заготовок. На этом фоне партийно-правительственное руководство рассмотрело также возможности изменения системы оплаты труда в сельском хозяйстве. В этом направлении отраслевые предприятия традиционно ориентировались на расширение хозрасчетных отношений, которые к этому времени уже не являлись новшеством и практиковались во многих регионах по одной и той же схеме. Ставропольские власти выразили мнение о том, что типология и административная ограниченность этих отношений являлась основной причиной уравнительного распределения доходной части бюджетов аграрных предприятий [2].

Что касается проблемы финансирования аграрного производства, то инвестиционная практика первой половины 1980-х годов в основном строилась на безвозмездной основе, когда банковские кредиты не обеспечивались гарантиями самих производителей, а компенсировались государственными дотациями. На деле это означало, что денежные средства просто перекладывались из одних бюджетных фондов в другие, не принося дивидендов. В такой ситуации любая форма хозрасчетных отношений не имела перспектив развития, а заработная плата, по сути, являлась отражением стоимости государственных закупок. Получался замкнутый круг, в пределах которого осуществлялся оборот определенных средств, сумма которых не изменялась в зависимости от величины валового аграрного продукта. Совокупность аналогичных бездоходных процессов в разных направлениях деятельности сельскохозяйственной отрасли предопределила проявление признаков стагнации производства [2].

Однако и в этом случае кризисные тенденции не стали поводом для совершенствования хозяйственной деятельности аграрных предприятий. Основываясь на существующей практике работы отрасли, очередной пленум ЦК КПСС в мае 1982 г. разработал меры по удовлетворению потребностей населения в продуктах питания, которые не были обеспечены необходимыми механизмами реализации. Одно из партийных решений предусматривало расширение управленческих структур агропромышленного комплекса на местах за счет создания районных объединений. Их главная задача заключалась в определении направлений и координации работы предприятий АПК, однако на деле получилось так, что в лице этих объединений в отрасли появился еще один контрольно-ревизионный орган с административными полномочиями и правами. При этом произошло раздвоение управленческих функций. С одной стороны, агропромышлен-

ные предприятия подчинялись районным объединениям, с другой стороны, своим ведомствам. Одним словом, добиться концентрации усилий всех структур в направлении повышения эффективности аграрного производства вновь не удалось из-за того, что реорганизованная система АПК не предусматривала объединения административных и финансово-экономических механизмов управления.

В 1983 г. партийно-правительственное руководство предприняло еще одну попытку направить экономическое развитие страны в русло соответствия требованиям времени и потребностям общества. Мы не будем касаться промышленной части новой программы преобразований, отметим только, что применительно к АПК она содержала конкретные меры, направленные на повышение эффективности производства в нерентабельных предприятиях. Смысл этих мер сводился к повышению закупочных цен на сельскохозяйственную продукцию, причем, большая часть выделенных для этого средств использовалась по принципу дифференциации поставщиков. В результате ранее убыточные хозяйства получили на свою продукцию такую надбавку, которая уравнивала ее цену с продукцией высокорентабельных производств. Как следствие, на Ставрополье и в Карачаево-Черкесии, в частности, начало снижаться количество убыточных агропромышленных предприятий сначала на 50 %, а к середине десятилетия их численность сократилась до минимума. Уже во второй половине 1980-х гг. в Ставропольском крае нерентабельных хозяйств фактически не было. Соответственно, в животноводстве проявилась положительная динамика производства по всем видам продукции, к 1987 г. среднестатистический рост составил примерно 11–12 %, что повлекло за собой повышение доли животноводства в валовом аграрном продукте [3].

В то же время приведенный пример удачных экономических преобразований является, к сожалению, одним из немногих позитивных фрагментов жизни агропромышленного комплекса Ставропольского края, да и страны в целом, в рассматриваемые годы. Такие эксперименты, несущие в себе созидательный потенциал, уже не могли в корне исправить и изменить ситуацию. Слишком запущенной и несовершенной оказалась экономическая основа, которая призвана была стать благодатной почвой для подобного рода экспериментов. Правда, и сам эксперимент носил односторонний характер, он не предусматривал технологических изменений, в силу чего не был рассчитан на долгосрочный эффект. От этого напрямую зависел такой важный показатель, как производительность труда, не говоря уже о оправданности капиталовложений, уровень фондоотдачи к концу исследуемого периода понизился почти в два с половиной раза, или на 60 %, по сравнению с началом девятой пятилетки.

И такая ситуация наблюдалась не только в сельском хозяйстве. В строительной индустрии, несмотря на постоянный рост основных фондов, объемы выполненных работ в течение десятой и одиннадцатой пятилеток сократились почти на 5 %, в результате чего не было завершено строительство ряда крупных промышленных объектов. Положение усугублялось слабой технической оснащенностью строительных работ, большая часть которых осуществлялась вручную. За два последних пятилетия до начала 1980-х гг. уровень рентабельности строительной отрасли края понизился почти в четыре раза [3].

Изложенное свидетельствует о том, что кризисные тенденции охватили практически все отрасли народного хозяйства, следствием чего стало производство ресурсоемких товаров, а весь процесс товарного производства ориентировался на повышение количественных показателей в ущерб качеству выпускаемой продукции. Кроме того, реформы, которые проводились на разных этапах исследуемого периода, являлись ограниченными, следствием чего стало снижение темпов экономического развития регионов и усиление необратимых кризисных тенденций.

Не осталась в стороне и социальная сфера. В первую очередь, снизились реальные доходы рабочих промышленных предприятий, совхозов и колхозников. Естественно, что в такой ситуации не могли быть эффективными никакие административные рычаги и меры по укреплению трудовой дисциплины. Более того, такой путь стабилизации экономических отношений в условиях тотального дефицита с полным правом можно назвать аморальным. Государство не выполнило своих обещаний и обязательств перед населением, поэтому не вправе было требовать лояльного отношения к своей внутренней политике и безрезультатным попыткам исправить положение за счет повышения ответственности простых людей, исправно выполнявших свой трудовой и гражданский долг.

Необходимо подчеркнуть, что динамика экономического развития Ставропольского края в первой половине 1980-х гг., несмотря на явно выраженные негативные тенденции, была более очевидной, чем в стране, в целом. Если взять, например, темпы роста промышленного производства, то они превышали соответствующий всесоюзный показатель, на один процент, рост валового продукта аграрной отрасли края превысил общесоюзные объемы на два процента, а прибыльность всего краевого народнохозяйственного комплекса была выше аналогичных достижений по стране более чем на два процента. Эти преимущества дали возможность отчасти решить наиболее острые социальные проблемы. Так, в течение одиннадцатой пятилетки, заработная плата в народном хозяйстве края выросла в среднем более чем на 11 %, причем, в производственных секторах промышленности и сельского хозяйства рост заработной платы превысил 14 % отметку. На большей части предприятий края активно использовались стимулирующие надбавки к основному заработку. В частности, речь идет о распределении прибыльной части доходов между рабочими и служащими предприятий и организаций, которые достигали 10–15 % основного заработка. В сельской местности доходы населения увеличились за счет лояльного отношения к развитию подсобных хозяйств [3].

Тем не менее, преодолеть действие кризисных тенденций собственными силами край не мог. Его основные показатели также стали утрачивать темпы прироста, уступая позиции стагнационному состоянию экономики. Если брать, например, данные за весь исследуемый период, то за двадцать лет темпы роста промышленного производства на Ставрополье сократились вдвое, объем валовой продукции сельского хозяйства повысился всего лишь на 0,7 %. Производительность труда в краевом промышленном секторе выросла на 1,9 %, в сельском хозяйстве снизилась на 1,5 %. Ввод в действие основных производственных фондов сократился почти в шесть раз, соответственно прибыльность совокупного производства понизилась практически в два раза. Конечно, сухие цифры статистики не отражают всей остроты проблемы,

поскольку в пределах отдельных пятилеток показатели динамично изменялись, но постоянно с понижающим коэффициентом. Традиционными причинами такого положения дел исследователи называют, как правило, преобладание государственной собственности на средства производства, использование директивных и административно-командных рычагов управления экономикой, неразвитость товарно-денежных отношений и т.п. Но при всем этом, на наш взгляд, перечисленные причины не исключают возможностей использования новейших технических и технологических достижений, которые необходимы были для интенсификации производства, повышения его эффективности. Тогда значительно легче решались бы и социальные проблемы.

Нельзя сказать, что научно-технический прогресс не учитывался вовсе, но темпы обновления основных фондов были настолько низкими, а мероприятия в этом направлении разрозненными, что сложно было ожидать каких-либо изменений в лучшую сторону. Так, например, в одиннадцатой пятилетке было обновлено всего 12 % средств производства [3]. В сущности, это означало свертыwanie программы индустриального развития аграрного края, что непременно отразилось и на развитии сельского хозяйства. Темпы роста капитальных вложений в экономику Ставропольского края возрастали из года в год. Однако при этом сельскохозяйственное производство сохранило свою прогрессивную динамичность, что было обусловлено, главным образом, участием региона в реализации продовольственной программы, которая строилась в крае на основе интеграционных процессов и партнерских связей внутри агропромышленного комплекса.

Анализ динамики изменения себестоимости производства основных видов аграрной продукции в Ставропольском крае в течение исследуемого периода показывает, что стоимость зерна увеличилась фактически в два с половиной раза, молока – почти в два раза, сырья для производства подсолнечного масла – в полтора раза. Эффективность животноводства в этот же период измерялась посредством контроля над приростом различных видов животных. В стадах крупного рогатого скота этот показатель за три последних советских пятилетки увеличился в 2,4 раза, в отарах овец – в 2,6 раза. Настриг шерсти возрос в 2,4 раза.

Не секрет, что благосостояние населения всецело зависит от уровня экономического развития страны и ее регионов. Начиная с XXIV съезда КПСС, соотношению и гармоничному развитию этих двух составляющих социальной политики уделялось много внимания на каждом из последующих партийных форумах. И пятилетние планы, в отличие от более ранних пятилеток, включали в себя комплекс социально-экономических мер. В пределах исследуемого периода они были направлены, прежде всего, на обеспечение населения жилищной площадью, максимальное удовлетворение его потребностей в промышленных товарах и продовольствии. Партийно-правительственное руководство постоянно акцентировало внимание на расширении сети учреждений бесплатного медицинского обслуживания людей, создании условий для получения советскими гражданами всеобщего среднего образования и их дальнейшей профессиональной подготовки. Многие из того, что было обещано на партийных съездах и пленумах, выполнить не удалось, но все же основные социальные проблемы были решены на достаточно высоком уровне.

К середине 1980-х гг. средние доходы населения Ставропольского края выросли, по сравнению с началом девятой пятилетки, более чем в два раза, реальные заработки рабочих и служащих повысились, в том числе за счет льготных выплат из общественных фондов потребления. Правда, существовала значительная разница между заработной платой работников различных отраслей народного хозяйства, которая в некоторых случаях равнялась среднему заработку отдельных категорий специалистов непроизводственных сфер: учителей, врачей и т.д. Тем не менее, достижения в области обеспечения населения льготными надбавками к основной заработной плате действительно были существенными, помимо пенсий и различных пособий, они включали в себя персональные дотации на оплату медицинских услуг, детских дошкольных учреждений, некоторых видов культурно-бытового обслуживания. Только пенсионные выплаты в 1985 г. превысили аналогичные расходы 1970 г. более чем в два раза и превысили сумму в 570 млн руб. На каждого жителя Ставрополя приходилось в среднем порядка 400 руб. льготных выплат из общественных фондов потребления.

В течение всего исследуемого периода реальные доходы населения выросли в 4,5 раза, пенсии, пособия и зарплата – в пять и более раз. У людей появились персональные денежные накопления, в разы увеличился уровень потребления основных продуктов питания, существенно расширился ассортимент приобретаемых промышленных товаров. Расходы населения за двадцать лет выросли в 4,5 раза, возросло количество семей, в том числе в сельской области, которые стали приобретать дорогостоящие товары длительного пользования, транспортные средства, строить дома.

В крае был достигнут такой уровень хозяйствования в сельском хозяйстве, когда благосостояние каждого члена колхоза или совхоза зависело от результатов коллективного труда. В крупных сельских населенных пунктах к концу девятой пятилетки практически в каждом пятом дворе имелся мотоцикл, в каждом девятом – автомобиль, в каждом четвертом – телевизор. Большое значение в формировании бюджетов сельских семей стало играть приусадебное хозяйство. Если провести параллели между уровнями материального благосостояния городских и сельских жителей, то при равнозначном среднедушевом доходе в городах к категории благополучных относилась примерно пятая часть семей, в селах – каждая десятая семья. При этом, однако, необходимо учитывать, что на показатель уровня благосостояния людей в то время большое влияние оказывало наличие дефицитных товаров и продуктов, приобретение которых было сопряжено с наличием связей и дополнительными расходами. Это, в свою очередь, являлось свидетельством нарушения провозглашенного советской властью принципа социальной справедливости, поскольку доступ к дефициту был обусловлен положением в структуре должностной или административно-правовой иерархии.

Уровень жизни населения во многом зависел также от состояния сферы обслуживания, торговли, социального обеспечения. В конце исследуемого периода товарооборот в крае увеличился более чем в два раза по сравнению с началом девятой пятилетки, в торговой сети на каждого жителя Ставрополя в среднем продавалось товаров на сумму свыше одной тысячи рублей. В общем объеме продаж возросла доля промышленных товаров, в частности, бытовой техники, мебели и т.п. Предприятия, выпускавшие товары повседневного и повышенного спроса, быстрее других отреагировали на требования рынка и начали пере-

оборудование производственного процесса, хотя процент качественных товаров оставался небольшим. Продукция швейных, обувных и текстильных объединений региона вообще не пользовалась спросом, несмотря на то, что в ряде городов и районов края были открыты фирменные специализированные предприятия. Вследствие этого среди населения большой популярностью пользовались мастерские и ателье индивидуального пошива одежды и обуви.

Достаточно быстрыми темпами развивалась сфера общественного питания и бытового обслуживания населения, деятельность, которой в крае традиционно поддерживалась на высоком уровне. В течение исследуемого периода на Ставрополье появилось около тысячи предприятий отрасли, в городах появились новые виды услуг, например, автоматизированные химчистки, прачечные самообслуживания и т.п. В строй вступили десять станций технического обслуживания автомобилей, что отражало динамику увеличения численности транспортных средств в личном пользовании жителей Ставрополья. В общей сложности в первой половине 1980-х гг. в крае функционировало около 8000 учреждений бытового обслуживания, которые оказывали более 750 видов бытовых услуг.

Согласно официальной статистике, за весь послевоенный период до середины 1980-х гг. в Ставропольском крае было построено более 32 млн м² жилой площади, в исследуемый период – около 12 млн м² [1]. Если исходить из приведенных цифр, то темпы ввода жилой площади снизились почти в 3 раза. Положение в рассматриваемой сфере усугублялось повышенной миграционной активностью населения в одиннадцатой пятилетке, что повлияло на демографическую ситуацию. Государственные меры по ее стабилизации, предпринятые в начале 1980-х гг., оказались безрезультатными в силу усиления влияния социально-экономических факторов.

Социальную составляющую внутренней политики в таком регионе, как Ставропольский край, очень сложно рассматривать без обращения к вопросам межнационального общения. В этом смысле мало говорить о традиционных добрососедских отношениях, толерантности, речь идет о состоянии и перспективах совместного проживания многонационального сообщества на одной территории. Если на эту проблему посмотреть с точки зрения представительства народов в органах власти, то в середине 1980-х гг. в депутатском корпусе исполкомов различных уровней работали представители более чем 50-ти национальностей.

Этого количества вполне достаточно для выражения интересов всех этнических групп. Но работа местных советов Ставрополья не ограничивалась только этническими интересами, круг решаемых ими проблем охватывал весь процесс социально-экономического развития краевых регионов. Подтверждением этого может служить инициатива Юцкого и Горько-Балковского сельских советов в развертывании межрайонного соревнования за лучшие показатели социально-экономического развития территорий Ставропольского края, которая была выдвинута в середине десятой пятилетки и получила положительную оценку и поддержку со стороны правительства России [4]. В одиннадцатой пятилетке эта практика получила свое дальнейшее развитие, что положительно отразилось на социально-экономическом развитии районов, городов и сел Ставропольского края.

Одним из способов локализации негативных последствий в развитии народного хозяйства в Ставропольском крае стала концентрация отраслевых производительных сил в рамках крупных государственно-кооперативных структур. В числе первых на Ставрополье было создано объединение «Ставропольагропромстрой», потом появились «Ставропольгражданстрой», «Ставропольавтотранс» и другие, но они смогли лишь на время отсрочить тотальное падение эффективности остаточных ресурсов. В создавшихся условиях не принесли положительных результатов и изменения системы управления народным хозяйством. Процесс сокращения административно-управленческих структур нужно было начинать раньше.

На наш взгляд, в Ставропольском крае влияние негативных факторов в первой половине 1980-х гг. удавалось смягчать за счет того обстоятельства, что в рамках краевого агропромышленного комплекса производительные силы распределялись равномерно по отраслевому принципу, а также между производителями сырья и готовой продукции [4].

В заключении хотелось бы отметить также, что в Ставропольском крае в конце одиннадцатой пятилетки имелись необходимые условия и возможности для того, чтобы избежать стагнации аграрного производства и распространения кризисных тенденций. Для этого требовалось, чтобы местное партийное и советское руководство взяло на себя смелость отказаться от конъюнктурных, экономически неоправданных и неэффективных решений ЦК партии по сельскому хозяйству. Руководители ряда хозяйств так и поступили на свой страх и риск, что позволило не только сохранить достигнутый материально-технический потенциал, но и создать на его базе новые возможности для дальнейшего развития производства.

Список литературы

1. Подсчитано по: Народное хозяйство Ставрополья за 70 лет. Ставрополь, 1987. С. 70.
2. ГАНИСК. Ф. 1. Оп. 41. Д. 5. Л. 24.
3. Экономическое и социальное развитие Карачаево-Черкесской автономной области за 1976–1980 годы. Черкесск: Статистическое управление КЧАО, 1981. С. 62.
4. Киселева Н. Н., Боровикова Н. В. Специфика и приоритеты развития территориальных промышленных систем Северо-Кавказского федерального округа // *Фундаментальные исследования*. 2015. № 2–9. С. 1942–1946.

References

1. *Podschitano po: Narodnoe khozyaystvo Stavropolya za 70 let*. Stavropol, 1987. S. 70.
2. *GANISK, fund 1, inventory 41, case 5, sheet 24*.
3. *Ekonomicheskoe i sotsialnoe razvitie Karachaevno-Cherkesskoy avtonomnoy oblasti za 1976–1980 gody*. Cherkessk, Statisticheskoe upravlenie KChAO Publ., 1981, p. 62.
4. Kiseleva N. N., Borovikova N. V. Spetsifika i prioritety razvitiya territorialnykh promyshlennykh sistem Severo-Kavkazskogo federalnogo okruga. *Fundamentalnye issledovaniya*, 2015, no. 2–9, pp. 1942–1946.